

Великое искусство — боевое искусство

Вот уже больше двух месяцев ежедневно мы произносим значительное, грозное слово — война! Но это не та война, какую мы себе представляли четверть века назад. Это не только столкновение больших сильных армий. Нет, оголтелая фашистская банда ополчилась на целые народы, затеяла войну «тотальную», войну за полное уничтожение народа.

Это надо понять до конца. Сегодня мы с особой страстью говорим о любви к нашей родине, ибо наша великая родина — это молодость, это величайшая гуманистическая культура, это наши плодородные земли, наши леса и реки, это наш язык, это наша свобода, счастье народа и радость его творчества. Но неразрывно с горячим чувством любви к родине в наших сердцах живет и чувство беспощадной ненависти ко всем, кто пытается стать на пути свободлюбивых, вечно творящих, вечно молодых народов.

Ненависть к врагу ни на мгновение не может покинуть наших сердец.

Какую «культуру» несут миру фашисты, что проповедают германские варвары? Они сеют ненависть между народами, они беспримерно издеваются над всем человеческим.

Недавно мне довелось ознакомиться с документами, свидетельствующими о том, что гитлеровские «воины» согнали захваченных ими профессоров и ученых и принудили их очищать отхожие места. В другом захваченном немцами городке они заставили мирных жителей бежать босиком по дороге, усыпанной битым стеклом.

Эти люди выдумали расовую теорию. Они воображали себя расой «господ».

На сыновьях и дочерях еврейского народа Гитлер оттачивал свой разбойничий

нож. На судьбах десятков и сотен тысяч евреев он упражнял свое ядовитое жало, развивал свое каннибальское призвание. На знамени своем среди прочих злодеяний он написал: «Полное уничтожение еврейского народа».

Участники прошедшего в Москве митинга представителей еврейского народа призвали евреев всего мира к беспощадной борьбе с гитлеризмом. Клятвой прозвучали их слова: «Ни один еврей не должен умереть, не воздавши фашистским палачам за невинно пролитую кровь!»

Мир стонет от пьяного разгула сумасшедших убийц.

Им противостоит наша культура, военная мощь нашего народа. Их танки несут гибель, их самолеты несут поражение. Наши танки, наши самолеты несут народам освобождение, несут им свободное дыхание.

Недавно один из наших советских поэтов Лев Квитко написал поэму «Пушкин и Гейне». Бродит изгнанник Гейне по улицам Москвы. Подошел и поклонился великому сыну русского народа, гениальному певцу славян — Пушкину. Сошел русский поэт с пьедестала, и долго бродили они вместе — Пушкин и Гейне — по улицам Москвы.

Но вот забрезжило утро. Пушкин взошел на свой пьедестал, посторонился и сказал: «Встань рядом, хватит нам места обоям». Гейне не согласился. «Нет, — наоборот, туда, откуда меня изгнали, — вечным укором народу, который не смыл еще с себя фашистского позора». Так пишет наш поэт.

Что же — мы отдадим его песню? Нет, не отдадим мы наших песен, нашей культуры, всего дела нашей жизни.

Вот почему наш фронт — это фронт

великой идеи, справедливости, народной правды; наши танкисты, летчики, бойцы — великие ратоборцы за свободу и культуру. Вместе с ними мы убеждены в нашей победе, потому что никому не повернуть истории вспять.

Жуковский в своей поэме «Певец во стане русских воинов» воспевал исторические минуты, когда мирные пахари становились воинами и превращали «в мечи — серпы и плуги». Тогда речь шла о нашествии Наполеона.

Сейчас все мы — участники великой отечественной войны. Но в мечи превращаются у нас не только серпы и плуги: в орудие борьбы — в снаряды, в смертоносные пули превращается все, чем владеет в своем творческом труде человек. Надо сделать разящим на-смерть мечом и культурное творчество человека: песнь, картину, спектакль. Надо твердо помнить, что искусство должно быть партийным, боевым!

Сейчас на фронте решается судьба свободлюбивых демократических народов. Для Польши, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии и целого ряда других стран стоит вопрос: «Быть или не быть». Быть ли свободным, творящим свою народную культуру национальным организмом или не быть им, а стать подневольным рабом, обреченным на безысходный сизифов труд под властью гитлеровских ландскнехтов. В такое время боевое искусство призвано сыграть роль оружия, смертоносного для фашизма.

Вспомните «Гамлета». В Датском королевстве очень неспокойно: совершенно страшное предательство — убийство из-за угла; преступник осквернил своим прикосновением самое святое — мать; он ис-

пользовал в качестве средства преступной борьбы самое святое чувство человека — любовь; он надругался над великим чувством — дружбой и превратил его в орудие преступления.

И вот в этот напряженный момент приходит верный друг человека — искусство, приходят комедианты, через которых Гамлет объявляет войну королю Клавдию. Комедианты обнаруживают все грани великого человеческого призвания, их искусство разоблачает преступление. Это и была минута, когда искусство стало боевым.

Великий реалист, сила реализма которого заключалась в оптимистической природе его мироощущения, в неиссякаемой вере в торжество гуманного, правдивого и высокочеловечного, Шекспир дает здесь пример боевого использования вдохновенной силы искусства.

Наше искусство закалилось в боях. Мы прекрасно отдаем себе отчет в его боевой природе. Сегодня перед нами задача — раскрыть звериный облик фашизма. Это не значит, что мы должны преуменьшать или легкомысленно недооценивать его силу. Но, раскрывая его звериный облик, мы должны неустанно, со всей силой художественной аргументации, напоминать, что враг хочет повернуть историю вспять, что мрак средневековья — ничто по сравнению с тем, что несет с собою фашизм всем, кто верен вековым идеалам свободы народов.

Наше искусство должно раскрывать перед зрителем, читателем, слушателем всю силу нашего советского оптимизма, всю веру и всю непреклонность нашей воли к победе.

С. МИХОЭЛС
народный артист СССР